

ной картины мира с выявлением особенностей отношения к таким базовым понятиям, как «работа», «природа», «семья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Информация приводится по источнику: Белов Василий Иванович, Автобиография, домашняя Интернет-страница //http://www.cultinfo.ru/belov/
2. Цитаты из произведений У.Фолкнера даются по изданию: Фолкнер Уильям, Собрание сочинений в 6 томах. – М., 1985.
3. Цитаты из произведений В. Белова даются по изданию: Белов В.И. Избранные произведения в 3-х томах. – М., 1983.
4. Цит. по: Ключевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990. Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса, с. 61.
5. Цит. по: Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати томах. – М., 1963. Том седьмой. Война и

мир. Том четвертый. Часть первая, с. 57.

S. Savinich

WILLIAM FAULKNER AND VASILY BELOV: THE CREATORS OF NATIONAL MYTHS EXPRESSING THE CORE OF THE HUMAN FATE, ESSENTIAL FOR RUSSIAN AND AMERICAN MENTALITY

Abstract: The following article is dealing with the problems of understanding the major stereotypes of Russian and American national mentality, reflected in the national myths and in the national literatures. As the object of literature analysis, the author is using the works of Vasily Belov «Usual thing» and William Faulkner «Absalom! Absalom!».

Key words: typology, myth, Faulkner, Belov, Absalom.

УДК (821.161.1)

Сотова Т.О.

ПОЭТИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО БЫТА В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ М.А. КУЗМИНА «ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ» (СБОРНИК «НЕЗДЕШНИЕ ВЕЧЕРА» (1921)*)

Аннотация: Статья посвящена двум основным векторам творчества М.А. Кузмина – особому романтическому восприятию обыденной жизни, повседневных мелочей и его интересу к экзотике. Рассматриваются отдельные мотивы лирического цикла «Фузий в блюдечке» (1914). Особое внимание уделяется интересу поэта к японской живописи и немецкому искусству XVIII века. Анализ стихотворений подчинен выявлению эстетической манеры поэта и прояснению мировоззрения Кузмина.

Ключевые слова: экзотика, поэтизация, повседневность, живопись, искусство, культура, интеллигенция.

В поэтическом мире Михаила Кузмина, четко прослеживаются два мотива, во многом определяющих его авторское мировоззрение. Условно их можно обозначить как увлечение экзотикой и «поэтизация домашнего быта». Проходя через всё творчество поэта красной нитью, они неизбежно пересекаются: во всех интересующих его культурах он ищет близкие лично ему явления. Отнюдь не поверх-

ностный интерес Кузмина к прошлому разных народов, к иным, иногда совершенно не соприкасающимся друг с другом культурам Запада и Востока, был отмечен уже современниками. В рецензии к сборнику «Сети» (1908 г.) Николай Гумилев писал: «Разные силы владеют душой М. Кузмина, в мире красоты у него много любимцев: и Счастливая Аравия, вечная родина романтических грез...; и XVIII век – век маскарадов, кружев и шёлка...; и золотой сумрак заволжских скитов; и наша повседневность...» [Гумилев: 1991, 115]. Очевидно, автор «Микка и Луи» и «Гондлы» просто не смог пройти мимо близкой ему тематики: страсть самого Гумилева ко всему экзотическому нередко удивляла, а порой даже забавляла его современников.

Но наряду с экзотикой древности в лирике Кузмина полноправно присутствует поэзия повседневной жизни, определяемая самим автором как «дух мелочей прелестных и воздушных». Эта тема, очень важная и личная для Кузмина, занимала его на протяжении всего творческого пути. Проблему соприкосновения двух ключевых тем у Кузмина исследователи обычно рассматривают на основе «Александрийских песен» (сборник

* © Сотова Т.О.

«Сети», 1908), давно уже ставших визитной карточкой его творчества. Действительно, Александрия имела исключительное значение для творчества поэта: «Видимо, Кузмина особенно пленила своеобразная смесь расцвета и упадка в культуре этого города» [Марков: 1994, 71], – предполагал В.Ф. Марков. Но, как было упомянуто выше, понятие «экзотики» в творчестве поэта не ограничивается одной лишь Александрией. В этой работе мы рассмотрим тему поэтизации повседневности в «японском» стихотворном цикле «Фузий в блюдечке», включённым Кузминым в поэтический сборник «Нездешние вечера» (1921).

Цикл «Фузий в блюдечке» (1914) создавался под сильным впечатлением от произведений живописи. Обращает на себя внимание широта интересов Кузмина в области искусства. Современный английский исследователь Джон Мальмстадт утверждает, что одним из источников вдохновения для Кузмина послужила гравюра прославленного японского художника Кацусики Хокусая (1760–1849) «Фузий в блюдечке», на которой изображён странник, созерцающий изображение на блюдечке священной горы Фудзияма (Фузий у Кузмина). Действительно, японская тематика занимает в цикле ведущее место. Судя по стихам, знакомство Кузмина с японской средневековой живописью не ограничивалось лишь Хокусаем. Известно, что коллекционированием китайских и японских гравюр занимался знакомый поэта Сергей Николаевич Никитаев.

Поначалу кажется, что содержание произведений, входящих в цикл, имеет к Востоку весьма отдаленное отношение. Япония присутствует лишь на уровне топонимики в открывающем цикл стихотворении «Фузий в блюдечке» и «Всю тину вод приподнял сад...». Другие обстоятельства и детали (навязчивый запах духов, преследующий лирического героя, прогулки в парковых аллеях, дамские наряды, игра в теннис), более напоминают зарисовку городской атмосферы начала XX века: «Пахнет плохими духами / Скошенная трава» [Кузмин: 1998, 284]; «На теннисе лишь рубашки / Мелко белеют вскачь» [Кузмин: 1998, 286]. Отметим некоторую зашифрованность образов цикла. Первое стихотворение у Кузмина нередко играет ключевую роль, несет особую смысловую нагрузку. Оно как бы указывает читателю на центральный образ, с которым так или иначе, явно или неявно будут связаны все последующие. Поэт будто вглядывается в изображение на фарфоровой поверхности, сопоставляя его с окружаю-

щей действительностью. Последующие образы предстают уже в преломлении через этот первый, определяющий общий смысл мотив. Беседующие в аллее дамы и лицеисты теперь персонажи японских гравюр, а острова, тонущие в лучах заходящего солнца («Тени косыми углами / Побежали на острова...» [Кузмин: 1998, 284]), уже не острова Финского залива, а Японский архипелаг. Воображение поэта оживляет старинные рисунки, возвращая им запахи и звуки. Этот процесс ретродуцирует динамику воспоминаний, способных воскресить не только события, но даже мельчайшие чувства из собственного прошлого:

*Далеки от родного шума
Песчинки на башмаках.
Фиалки в петлице у грума
Пахнут о дальних лугах.
И в стриженной пыльной аллее,
Вспоминая о вольном дне,
Всё предсмертнее, всё нежнее
Лиловеют на синем сукне*

[Кузмин: 1998, 284].

В поэзии Кузмина, с его особым восприятием повседневности, романтические переживания нередко переплетаются со стремлением как бы «приручить» реальность, одомашнить и «облагородить», «окультурить» её. В итоге всё, становящиеся предметом поэзии Кузмина (будь то природа, быт или мир человеческих чувств) нередко приобретает некую миниатюрность, «игрушечность». Без понимания этого невозможно рассуждать ни о мировоззрении, ни о личности поэта. Характерная для Кузмина черта нашла позднее аллегорическое отражение в стихотворении «ПРИРОДА ПРИРОДСТВУЮЩАЯ И ПРИРОДА ОПРИРОДЕННА (Natura naturans et Natura naturata)» (стихотворный цикл «Панорама с выносками» в сборнике «Форель разбивает лед» (1925–1927):

*Кассирша ласково твердила:
– Зайдите, миленький, в барак,
Там вам покажут крокодила,
Там ползает японский рак. –
Но вдруг завыла дико пума,
Как будто грешники в аду,
И, озираяся угрюмо,
Сказал я тихо: «Не пойду!
Зачем искать зверей опасных,
Ревущих из багровой мглы,
Когда на вывесках прекрасных
Они так кротки и милы?»*

[Кузмин: 1998, 398].

Стремление Кузмина изображать реальную жизнь «кроткой и милой» современники поэта объясняли его особым душевным складом. По свидетельствам близко знавших его людей, Кузмин был глубоко ранимым человеком, которому окружающая действительность в своей неприкрытой грубости нередко виделась угнетающей, а то и просто отталкивающей. В своих мемуарах Ирина Одоевцева приводит слова Блока, обращенные к Кузмину: «Я боюсь за вас. Мне хочется защитить вас от этого страшного мира» [Одоевцева: 2006, 102]. Эта фраза звучит в унисон с юбилейным приветствием Блока Кузмину 29 сентября 1920 года: «...Все те, от лица которых я говорю, радостно и с ясной душой приветствуют вас как поэта, но ясность эта омрачена горькой заботой о том, как бы вас уберечь <...> В вашем лице мы хотим сохранить не цивилизацию, которой в России, в сущности, еще и не было, и когда еще будет, а нечто от русской культуры, которая была, есть и будет» [Блок: 1980, 374–375]. Но, возможно, причина крылась отчасти в характерном для Кузмина восприятии земного бытия как чего-то уязвимого и хрупкого. Человеку с таким мировоззрением свойственен особый поэтический взгляд на самые обыденные вещи, стремление запечатлеть быстротекущие моменты уходящей жизни. Не этим ли можно объяснить нежное, даже любовное отношение Кузмина-поэта к повседневным мелочам? Здесь отчасти следует искать корень его желания «приручить» реальную жизнь.

Обращение Кузмина к японской тематике не было случайным. Мировидение японских художников, творивших в жанре «укиё-э» (одним из выдающихся представителей этого направления считается Кацусика Хокусай 1760–1849), было привлекательно для поэта. Ему был близок неподдельный интерес к мельчайшим деталям повседневной жизни, желание уловить и увековечить их, стремление изображать реальность миниатюрно-игрушечной. «Укиё» как художественное явление сложилось в Японии середины XVII века, в эпоху Эдо (или Токугава). Это было время социально-культурных потрясений и глубоких изменений в многовековом укладе японского общества. Формой психологического спасения от реалий повседневности для многих художественно одаренных людей той поры стали уход в частную жизнь и увлечение искусствами. «Земная жизнь с ее «простыми» радостями и удовольствиями становилась все более ценной. Это были посещения театра Кабуки, соревнования борцов-сумоис-

тов, а также визиты в «веселые кварталы»... Эта тематика нашла свое отражение в нарождавшемся искусстве третьего сословия» [Мосин: 2007, 3-4]. Становится популярной жанровая ксилография укиё-э – «картины быстротекущей жизни», впоследствии ставшая одним из высших достижений японского искусства.

Для японца укиё – это, прежде всего, философия, отношение к жизни. В семнадцатом столетии слово «укиё» стало обозначать не столько буддийскую философию иллюзорности и непостоянства всего сущего, сколько сиюминутные радости и удовольствия жизни земной. Эта перемена нашла отражение в популярной песенке той поры:

*Жизнь – всего лишь наваждение,
Но ведь хороша!..
Станет плоть бесплотной тенью,
Отлетит душа.
Наслаждайся же покуда,
Балуй естество:
Пей, да пой, да веруй в чудо –
Больше ничего!*

[Ихара Сайкаку 2006, 9-10].
(Перевод А.А. Долина).

Глубоко уходящая своими корнями в японскую культуру философия укиё привлекала Кузмина, скорее всего, восточной экзотикой. В этом он не был одинок: интерес к чужим культурам был характерен для многих поэтов той поры и, в особенности, для акмеистов, к которым Кузмин был близок. Увлечение экзотикой Гумилева, Кузмина и их коллег по цеху имело безусловный философский подтекст. За обычным интересом к чуждым и загадочным культурам чувствуется желание уйти от душной атмосферы предреволюционных лет. Как и многие современники, Кузмин предчувствовал грядущие мировые потрясения. Попыткой закрепить свет культуры, как и для многих представителей русской интеллигенции, стало ее живое освоение. Мир искусства, не вещественный, но не менее хрупкий, чем реальная жизнь, также готовился рухнуть под натиском грядущих перемен. Еще в 1909 году «отец футуризма» итальянец Ф. Маринетти в «Первом манифесте футуризма» объявил войну ценностям мировой культуры: «Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки». Не прошло и десятилетия, как русский революционный поэт Владимир Кириллов (1890 – 1943) вторил ему в стихах: «Во имя нашего Завтра – сождем Рафаэля, / Разрушим музеи, растопчем искусства цветы» [Русская литература XX

века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь. Т.2. ОЛМа-Пресс Инвест, 2005. С. 191]. Сегодня, почти сто лет спустя, эти «громы и молнии» в адрес ценностей «буржуазной культуры» выглядят забавными. Но среди современников Кузмина было немало тех, кто искренне боялся (или также искренне надеялся), что за скорым крушением «старого» мира с «парохода современности» будет сброшено и всё прежнее культурное наследие. В свете всего этого можно понять тоску по мировой культуре Кузмина и многих близких ему современников.

Мир высокой культуры в сознании Кузмина тесно переплетается с представлениями о домашнем уюте. Для поэта они немыслимы друг без друга. Присутствие произведений искусства в доме возвышает и одухотворяет быт, придает повседневным вещам глубокий смысл. В свою очередь, «дух мелочей прелестных и воздушных» [Кузмин: 1998, 6] призван сделать «высокое» ближе и понятней и одновременно защитить его от «страшного мира». Можно сказать, что для Кузмина атмосфера дома, домашний уют, спокойное и размеренное течение жизни – неотъемлемая составляющая высокой культуры. Александр Блок в своих статьях послереволюционной поры клеймил «мещанство», загнивающие в болоте своих «брюшных» интересов [Блок: 2006, 508–518]. Прежний мир в свете мечтаний о «веселой, чистой и прекрасной жизни» видится автору «Двенадцати» исключительно в мрачных тонах: «вся гнусность довоенных квартир: измены, картеж, пьянство, ссоры, сплетни» [Блок: 2006, 508–518]. Как не похоже это на идеальный домашний мир Кузмина, лирический герой которого как бы вслед за Пушкиным восклицает с гордостью: «Я, слава Богу, мещанин!» [Пушкин: 1978, 402].

Предчувствием трагического проникнута и часть последующих стихотворений цикла «Фузий в блюдечке». Наряду со спокойными, наполненными светом стихами («Мореход на суше», «Белая ночь», «Персидский вечер») присутствуют произведения иного содержания. Экзотический антураж не столько смягчает чувство тревоги, сколько делает его еще пронзительнее. Балтийское побережье навеивает ассоциации со столь любимой поэтом античностью («Античная печаль»). Но это скорее не сама античность, а именно тоска по ней как по части мирового культурного наследия. Сумеречная, ночная, она превращается в заброшенный храм, пугающий атмосферой тлена («Сладелая фиалка /

Свой запах тычет, как слепец костыль...») [Кузмин: 1998, 286] и воем совы. Зарисовка экзотического острова («пейзаж Гогена») больше похожа на описание адского пекла, да и вскользь обрисованное свидание влюбленных вряд ли вызовет у читателя приятные эмоции («Густо алеют губы, / Целуют, что овода») [Кузмин: 1998, 285]. Завершается цикл стихотворением «Ходовецкий», где автор отвлекается от экзотической тематики. Творчество Даниэля Николауса Ходовецкого (Chodowiecki, Daniel Nikolaus, 1726–1801), немецкого художника, одного из крупнейших мастеров эпохи Просвещения, по-видимому, занимало в душе Кузмина особое место. Недаром же он уверял:

*Наверно, нежный Ходовецкий
Гравировал мои мечты:
И этот сад полунемецкий,
И сельский дом немного детский,
И барбарисные кусты*

[Кузмин: 1998, 287].

Любимый сюжет Ходовецкого – согретый добродушным юмором поэтический образ бюргерского быта. Интересная деталь: художник творил именно в то время, когда на другом конце света вступало в фазу своего рассвета искусство гравюры укиё. Обращают на себя внимание и некоторые общие моменты: интерес к «простой» жизни (частная жизнь японского среднего класса в одном случае и быт немецких бюргеров в другом), стремление создать мир, наполненный домашним уютом и высоким искусством, где можно было бы укрыться от бурь внешнего мира.

Можно заключить, что, несмотря на весь экзотический колорит и кажущуюся некоторую отвлеченность поэта от современных ему реалий, в сборнике «Фузий в блюдечке» ярко отразилась духовная атмосфера современной Кузмину эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Письма о русской поэзии / Подгот. текста, примеч. Р. Тименчика. – М., 1991. – 430 с.
2. Марков В.Ф. Поэзия Михаила Кузмина // Марков В.Ф. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. – СПб., 1994. – С. 59–163.
3. Кузмин М. Лирика. – Мн., 1998. – 480 с.
4. Одоевцева И. На берегах Невы. – СПб., 2006. – 448 с.
5. Блок Александр Об искусстве / Сост. вступ. Статьи и примеч. Л.К. Долгополова. / – М., 1980. – 503 с.
6. Мировое искусство (Мастера японской гравюры) / Сост. И.Г. Мосин. – СПб., 2007. – 208 с., илл.

7. Ихара Сайкаку История любовных походов одинокой женщины: Повести, рассказы / Пер. с яп. Е. Пинус, В. Марковой, Т. Редько-Добровольской. – СПб., 2006. – 544 с.
8. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь. – Т. 2. – 2005. – С. 191.
9. Блок А.А. Стихотворения и поэмы: Стихи, дневники, письма, проза. – М., 2006. – 576 с., илл.
10. Пушкин А.С. Избранные сочинения. – Т. 1. – 1978. – 754 с.

T. Sotova

POETICIZING DOMESTIC LIFE IN
M. KUZMIN'S LYRIC POETIC SEQUENCE
"FUZYI IN A SAUCER" (BOOK "UNEARTHLY
EVENINGS")

УДК 82-32

Терехова О.М.

ЖАНР НОВЕЛЛЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Л. СЛЕЗКИНА *

Аннотация: В статье рассматривается жанровое своеобразие новелл Ю.Л. Слезкина. Дается классификация произведений, выделяются следующие жанровые модификации: бытовые новеллы и их «поджанры» («страшные новеллы», восходящие к готической литературной традиции, и авантюрные), а также фантастические новеллы с элементами «бытовой мистики» и фантазмагии. Дан анализ новелл, наиболее ярко характеризующих указанные жанровые группы.

Ключевые слова: жанр, фантастическая новелла, «страшные новеллы», авантюрная новелла.

В начале XX в. жанр новеллы в русской литературе становится особенно популярным. К нему обращаются такие известные писатели Серебряного века, как Ф. Сологуб, З. Гиппиус, М. Кузмин, Б. Садовской и многие другие. Создаются образцы символистской, неоромантической новеллистики. Во многом испытавшие на себе влияние творчества французских символистов, подражавшие западноевропейским писателям-романтикам, русские писатели, тем не менее, представили на суд читателя многочисленные модификации новеллистического канона.

Новелла – «жанр повествовательной прозы, отличающийся динамикой в развертывании сюжета, строго выверенной компо-

Abstract: The article is devoted to two main vectors of M. Kuzmin's works, as expressed by his specific perception of ordinary life and day-to-day small stuff as well as his interest to exotic things. This subject is pursued using Kuzmin's lyric poetic sequence "Fuzyi in a saucer" (1914). Particular attention is given to the poet's interest to Japanese painting and the XVIII century German art. Analysis of pieces of poetry is subject to the exposure of Kuzmin's pattern of aesthetics and clarification of his world-view.

Key words: exotic things, poeticizing, day-to-day existence, painting, art, culture, intelligentsia.

зицией с отчетливо выделяемым «пуантом» и акцентированием коммуникативного момента в повествовании» [6, 146]. «Пуантом» называют «финальную перемену точки зрения (героя, читателя) на исходную сюжетную ситуацию, причем этот поворот может быть связан с новым неожиданным событием, которое явно противоречит логике предшествующего сюжетного развертывания» [11, 389]. Обычно в центре новеллы – «событие, случай, выходящий за рамки повседневного, обыкновенного, даже просто вероятного» [5, 246]. Как правило, в новелле отсутствует описательность, она «бедна» деталями [6, 147]. Герой раскрывается новеллистом «прежде всего не в общественно-политической, а в моральной сущности» [2, 148].

Ю.Л. Слезкина (1885-1947) по праву можно назвать одним из ведущих новеллистов десятых годов XX века. В эти годы новеллы составляют основную часть его творчества; именно они заставили обратить внимание на молодого автора. Парадоксальная интрига, стремительное развитие нетривиального сюжета, отсутствие подробностей, замедляющих повествование, неожиданная развязка – вот что характеризует почти все (за редким исключением) произведения Слезкина малого жанра и позволяет отнести их к жанру новеллы.

В целом весь корпус новелл Слезкина можно условно разделить на два подвида: это

* © Терехова О.М.